

Секция «Востоковедение, африканистика»

Санкт-Петербургский договор 1875 года в историографии

Фомичев Александр Александрович

Студент

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского,

Исторический факультет, Калуга, Россия

E-mail: gakusei18@rambler.ru

Вопрос о статусе Курильских островов, являющийся одним из ключевых во внешней политике современных России и Японии, имеет долгую предысторию. Одним из важных этапов развития русско-японских отношений и становления Японии как сильного государства является заключение 25 апреля (7 мая) 1875 г. Санкт-Петербургского договора между Россией и Японией, который предполагал передачу спорных уже на тот момент времени Курильских островов Японии, а остров Сахалин закреплялся за Россией. Это событие вызвало широкий резонанс мнений в исторической науке, породив прямо противоположные мнения и оценки.

В советский период изучению вопросов, касающихся соглашений с Японией относительно «территориального вопроса», в частности Санкт-Петербургского договора, уделялось пристальное внимание. В работе Х. Т. Эйдуса «Очерки новой и новейшей истории Японии», освещение вопроса о подписании Санкт-Петербургского договора носит обзорный характер; никаких оценок ученый не приводит, ограничиваясь лишь констатацией факта подписания договора [8, с. 36].

А. Л. Гальперин отмечает, что «недальновидная политика царского правительства привела к тому, что Японии удалось на долгое время отторгнуть от России Курильские острова, которые были открыты и исследованы русскими». Основную причину заключения договора ученый видит в угрозе военного конфликта на Балканах, который Россия старалась не допустить. Правящие же круги Японии, по мнению автора, в 70-е годы XIX века были «поглощены осуществлением своих планов захвата Кореи и Тайваня; они стремились урегулировать отношения с Россией, чтобы развязать себе руки для экспансии» [1, с. 224-225].

Э. Я. Файнберг в оценке Петербургского договора выдвигает сходное мнение, объясняя передачу Курил Японии недальновидностью российского самодержавия и иными приоритетами внешней политики России. С переходом Курильских островов в руки Японии, полагает она, возникла опасность использования их в качестве базы для нападения на дальневосточные владения России [7, с. 284].

В целом же, говоря о советской историографии данного вопроса, можно утверждать, что оценки Санкт-Петербургского соглашения в работах историков этого периода большей частью негативны. Исследователи отмечали недальновидность политики самодержавия в этом вопросе; основную же причину подписания договора советские историки видели в угрозе вооруженного конфликта на Балканах.

Эту же причину учитывали и историки уже новейшего периода в историографии. Так, К. Е. Черевко подчеркивает, что одним из аспектов принятия договора 1875 г. является осложнение международной обстановки в Европе, и в особенности – на Балканах. Но в целом его оценка принятия договора положительна: автор полагает, что Петербургский договор на длительное время стабилизировал рост обоих государств и

способствовал взаимному расширению торговли. В то же время исследователь отмечает и некоторые негативные моменты: так, потерю Курил историк расценивает как стратегический проигрыш, последствия которого сказались позднее [2, с. 164-165].

Также стоит отметить работу известного японоведа А. Н. Мещерякова «Император Мэйдзи и его Япония», в которой автор в числе прочих вопросов рассматривает и заключение Санкт-Петербургского договора. Мещеряков считает, что в 70-е годы XIX века Россия и Япония хотели сосредоточиться только на решении своих основных внешнеполитических вопросов и действовать только в тех направлениях, которые являлись приоритетными, и договор 1875 г. позволял это осуществить. В целом же, заключает исследователь, Санкт-Петербургский трактат подвел итог территориальному размежеванию в Восточной Азии [4, с. 330].

Таким образом, в современной российской историографии Санкт-Петербургский договор оценивается неоднозначно, но, как правило, позитивно; отчасти это связано со сменой парадигмы.

В англо-американской историографии также нет единого мнения относительно данной проблемы. Так, профессор Эндрю Э. Джентс выделяет три аспекта принятия соглашения, связанных с ролью Сахалина: военный, экономический и аспект в плане наказания для осужденных (остров служил местом ссылки) [10]. В то же время ученый полагает, что японцы изначально считали Сахалин своим, с чем нельзя согласиться – уже в 1874 году Япония отказалась от претензий на весь остров.

Американский японоведа Джеймс Л. Мак-Клейн приводит иную точку зрения. По его мнению, несмотря на то, что управление и защита Курильских островов и Сахалина были достаточно сложным делом, поскольку люди, проживающие там, превращались в «граждан», находящихся под защитой государства, олигархи Мэйдзи желали провести национальную границу как можно дальше от Хоккайдо. Они исходили из того, пишет Мак-Клейн, чтобы «создать своему режиму в глазах северного соседа имидж сильной власти» [3, с. 418].

Другие исследователи просто ограничивались либо повторением основных положений трудов советских историков [12], либо выдвигали точки зрения вроде простого расширения границ России в результате заключения договора 1875 года [9].

Японская историография также не дает однозначных мнений по данному вопросу. В конце XIX – начале XX века японские исследователи оценивали Санкт-Петербургский договор прежде всего как дипломатическую победу Японии. Однако некоторые ученые отмечали равноправный характер договора. Так, Киёдзава Киёси указывал: «Этот договор был первым, заключенным Японией с европейской державой в известной мере на паритетных началах» [6]. Акира Ириэ отмечал, указывая на факты захода русских судов в пределы островов Цусима, что договор 1875 г. был заключен в целях обеспечения безопасности границ Японии и скорейшего разрешения важнейших внешнеполитических вопросов, и при его подписании Япония фактически поставила себя на один уровень с европейскими государствами и Россией [11, с. 741].

В то же время, современные японские историки оценивают и истолковывают значение Санкт-Петербургского договора совершенно неправильно, и такой подход в настоящее время превалирует. Ярким примером может служить книга Накамура Синтаро «Японцы и русские». Симодский трактат, предшествовавший соглашению 1875 г., японский историк оценивает как «уступку» царизма Японии; точно так же он высказывается

и о Санкт-Петербургском договоре: «Следующую уступку Японии царизм сделал через двадцать лет, подписав Петербургский трактат, по которому Япония отказывалась от своих претензий на Сахалин в обмен на передачу ей Курильских островов», которые, по мнению Накамуры, уже в начале XIX века частично являлись «исконно японской» территорией [5, с. 121-125].

Подводя итог сказанному выше, можно выделить, по крайней мере, два главных момента. Во-первых, оценки Санкт-Петербургского договора в историографии существенно варьируются, а во-вторых, зачастую договор оценивается в угоду национальным интересам. Однако при всем при этом не стоит отрицать важность события 25 апреля (7 мая) 1875 г. в системе русско-японских отношений, пусть оно носило несколько негативный характер. В известной мере оно определило границы двух государств, позволив и Японии, и России избежать дальнейших конфликтов вплоть до конца XIX века.

Литература

1. Гальперин А. Л. Очерки новой истории Японии (1640-1917). М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
2. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1997.5
3. Мак-Клейн, Джеймс Л. От сёгуната Токугавы - в XXI век. М.: Аст-Астрель, 2007.
4. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006.
5. Накамура Синтаро. Японцы и русские. Пер. с яп. с сокр. Салтыкова В.Я. М.: Прогресс, 1983.
6. Нихон гайси. Т. I.
7. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
8. Эйбус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М.: Госполитиздат, 1955.
9. Charman Tim. Imperial Russia: 1801-1905. NY, 2001.
10. Gentes, Andrew A. The institution of Russian Policy in Sakhalin: from 1866 to 1875// Journal of Asian History, #36, 2002.
11. Iriye Akira. Japan's drive to great-power-status: Consolidation of domestic and foreign affairs, 1868-1880//Cambridge History of Japan. Vol. 5. Cambridge University Press, 2007. P. 740-741.
12. March Patrick G.. Eastern Destiny: Russia in Asia and the North Pacific. NY, 1996.